

МЕРТВЫЕ НЕ ЛГУТ

р о м а н

Впервые!

•
**ТАКОГО детектива
вы ещё никогда
не читали!**

**АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ**

Анна и Сергей Литвиновы
Мертвые не лгут

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литвиновы А.

Мертвые не лгут / А. Литвиновы — «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-04-089515-1

В наши времена беда зачастую приходит в виде звонка с номера самого любимого человека. Только в трубке звучит незнакомый голос: «Вы такой-то? С владелицей этого телефона произошел несчастный случай». Именно это услышал однажды профессор Остужев. Жена Линочка, в которой он души не чаял, стала жертвой уличного грабителя. С тех пор жизнь профессора словно переломилась. То есть он продолжал как-то существовать и даже работать, но делал все словно на автомате. И бесконечно совершенствовал свое изобретение – прибор для общения с умершими. Остужев был уверен, что это возможно, и каждый день слал сообщения своей любимой жене. И однажды... она ему ответила.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089515-1

© Литвиновы А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Остужев Петр Николаевич	6
Остужева Лина Яковлевна	9
Остужев Петр Николаевич	16
Чуткевич Борис Аполлинарьевич	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна и Сергей Литвиновы

Мертвые не лгут

© Литвинова А. В., Литвинов С. В., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*В наше время беда зачастую приходит в виде звонка с самого любимого телефона.
Только звучит в нем чужой НЕЗНАКОМЫЙ голос.*

– Вы такой-то? – спрашивают вас.

*– Да, это я, – отвечаете вы, оторопев и еще не подозревая, что с этого момента
ваша жизнь переламывается надвое. – Да, это я.*

– С владелицей этого номера произошел несчастный случай.

Остужев Петр Николаевич

Жизнь профессора Остужева определенно удалась.

Он с ранних лет занимался любимым делом и даже, что истинная невидаль в нашем отечестве, получал за него достойное вознаграждение. В итоге им с женой удалось построить дом неподалеку от Москвы, на участке, который достался им в наследство. В последние годы они жили там безвылазно. Стали даже в свободное время осваивать садоводство и огородничество. Баньку полюбили топить.

Трудился профессор всю жизнь в странной на первый взгляд и довольно новаторской области. Занимался межличностной коммуникацией – но не с точки зрения философии или лингвистики, а применительно к тем техническим средствам, с помощью которых субъекты общаются: телефон, мессенджер, Интернет, факс... Действительно (так он начинал свои лекции перед студентами), а вы замечали, что когда беседуешь с человеком лично, общение идет по одним законам, по одному сценарию, а когда с ним же говоришь по скайпу, то беседа ваша разворачивается иначе? Хотя, казалось бы, те же самые каналы общения открыты: вербальный, невербальный, – а вот поди ж ты, техника, что вас соединяет, она одновременно и разъединяет, мешает предельно откровенному разговору, который возможен лишь тет-а-тет. А при чисто телефонном общении, когда вовсе не видишь собеседника, беседа может стать гораздо более раскованной, чем лично, – но в то же время нарастают погрешности во взаимопонимании. И если ты используешь текстовый мессенджер – отправляешь готовые сообщения и тебя невозможно перебить, разговор ведь идет, опять-таки, по-другому, не правда ли? А когда шлешь эсэмэски, и ты вдобавок ограничен количеством символов – коммуникация развивается совсем по иному сценарию, замечали?

Петр Николаевич (именно так звали профессора) далеко не только психологией и психофизиологией занимался. Еще и в технике (как выражались его студенты) «шарил». Досконально знал, как организована передача данных в современных соцсетях и всевозможных мессенджерах, и даже пару изобретений в данной области оформил.

Но прославился и даже слегка разбогател Остужев совсем не за счет этого. Однажды он стал широко известен – настолько, что корреспонденты радио, телевидения и желтых газет осаждали его с просьбой об интервью. И он никому не отказывал, потому как – что такое интервью? Та самая коммуникация и есть, которую он, по жизни, изучал. На каждой встрече с журналистами он не просто вещал, но и одновременно исподволь исследовал их с ним взаимодействие – методом, так сказать, включенного наблюдения. И выяснялось, что в присутствии телекамеры общение организуется иначе, чем под диктофон. А если корреспондент по старинке записывал в блокнот, беседа протекала, опять-таки, по-иному.

Остужев даже за свое открытие Шнобелевскую премию получил! Отчасти жалко было, что не полноценную Нобелевскую – но и Нобель, он считал, впереди. А Шнобелевская тоже в последнее время стала (как те же студенты выражаются) «гламурненькой». Все-таки вручают ее не где-нибудь, а в Гарварде, в присутствии тысячного зала. Не кто-нибудь лауреату руку жмет, а настоящий лауреат Нобелевки. По американскому телевидению прямую трансляцию ведут. Все средства массовой информации по всему миру о событии сообщают. И, положив руку на сердце, народу эта премия, наполовину шуточная, гораздо интереснее, чем серьезный Нобель, где мало кто понимает, за что дали. А если Шнобелевку оторвал – выходит, почти всемирная слава. Даже в узких кругах ученых – тоже. Хотя бы потому, что на следующий день после вручения ты в Массачусетском технологическом университете лекцию о своем достижении читаешь.

Впрочем, известность к Остужеву пришла еще до премии. Началось с вещего сна – дело обычное, что ко многим ученым, да и поэтам, именно в дреме являлось прославившее

их открытие. Вот и с ним так. Он ведь интересовался помимо прочего коммуникацией *вовсе без помощи* технических средств. И знал, конечно, о многочисленных опытах, когда проверяли, возможна ли передача мыслей на расстоянии, так называемая телепатия. Эксперименты ученые в разных странах обычно проводили дотошно: в один бронированный погреб засаживали одного участника, демонстрировали ему разные фигурки-картинки, тот тужился и передавал свои мысли другому испытуемому, который пребывал в соседнем подвале. И... ничего не происходило. Никто не угадывал, даже самые известные и патентованные экстрасенсы. В итоге на основании многочисленных исследований учеными был сделан твердый и определенный вывод: телепатии не существует.

Однако идея, приснившаяся профессору, заключалась в том, что двумя участниками эксперимента, передающими мысли на расстоянии, должны стать двое супругов, проживших в браке изрядное количество лет. Он сам к тому времени отпраздновал хрустальную, то есть пятнадцатилетнюю годовщину; супругу Линочку очень любил и не раз ловил себя на мысли, что заранее знает, что благоверная скажет и даже о чем подумает.

Петр Николаевич, помимо острого ума и глубоких знаний, обладал также способностями, которые порой требуются ученым в большей степени, нежели интеллект и образованность (и иногда с успехом заменяют их), а именно: организаторским талантом и пробивным мастерством.

Способности эти, надо заметить, не с потолка к нему упали. Пятнадцать лет назад, до Линочки, он был настоящим социопатом. Можно сказать, рохла рохлей и тюфяк тюфяком. Супруга постепенно его выдрессировала. Неустанно в нем пестовала и развивала умение общаться с тем, с кем надо, когда надо и как надо.

Остужев свой мимолетный сон о талантах, что именно супружники проявляют к телепатии, не оставил, не забыл – разработал и расписал требования к опыту, а затем добился, чтобы ему на него выделили грант. И вот наконец были произведены эксперименты над двадцатью восемью парами испытуемых, каждая из которых прожила в браке (как и он сам) свыше пятнадцати лет. Исследование оказалось простым как дважды два. Первому супругу демонстрировали одну из четырех возможных фигур: круг, звезду, волны, квадрат. Тот пытался передать образ своей половинке, находившейся в звукоизолированном помещении. Реципиент принимал телепатическое послание и выбирал нужную картинку. По теории вероятности, шанс точно угадать составлял ровно 0,25. Если бы мысленная связь, напротив, шла совсем без перебоев и помех, будто испытуемые общаются по телефону, эта цифра составила бы единицу.

Итак, провели серию опытов. Подсчитали итог. Результаты ошеломили всех, включая самого Остужева. Выяснилось, что между долго живущими друг с другом супругами телепатия действительно существует! Да, она срабатывает далеко не всегда, но вероятность угадывания стабильно составляла 0,27-0,28, а у иных пар даже уверенно приближалась к 0,30 – это был потрясающий, поразительный успех!

Профессор немедленно подготовил статью для «Вестника коммуникации», а также перевел ее на английский и отправил, ни много ни мало, в «Nature». Статью там, в самом уважаемом научном журнале в мире, долго гоняли от рецензента к рецензенту, однако в итоге она вышла и сразу сделала Остужева широко известным в узких научных кругах. Его эксперимент взялись повторять, на него ссылались, его цитировали, но слава до поры до времени не перехлестывала сугубо академических кругов. Однако еще через пару месяцев ректор вуза, где он преподавал, упомянул о достижении подведомственного ему профессора в интервью Первому каналу телевидения. Первый канал, зверски переврав слова ректора, сделал из его слов сенсацию. И понеслись заголовки и интервью в многочисленных СМИ, теленовостях и газетах, включая сексуально озабоченные «XXX-пресс» и «Давай!».

МОСКОВСКИЙ ПРОФЕССОР ДОКАЗАЛ, ЧТО ТЕЛЕПАТИЯ
СУЩЕСТВУЕТ!

СУПРУГИ МОГУТ ПЕРЕДАВАТЬ МЫСЛИ НА РАССТОЯНИИ!

«Я МОГУ УПРАВЛЯТЬ СВОЕЙ ЖЕНОЙ СИЛОЙ МЫСЛИ», –
УВЕРЯЕТ ПРОФЕССОР ОСТУЖЕВ.

Тем временем, как мы помним, между самыми первыми опытами Петра Николаевича и его, без преувеличения, всемирной славой пролегло более двух лет. Все это время профессор продолжал и совершенствовал свои опыты. Многие из них он изначально ставил на себе и жене своей Лине, которая терпеливо сносила эксперименты ради науки и своего Петеньки. И только затем, нащупав закономерности, Остужев переносил опыты на большее количество испытуемых. В результате была открыта прямая зависимость между взаимопониманием супругов и количеством лет, прожитых вместе. Также была доказана удивительная закономерность: те, кто состоял в официальном или церковном браке, понимали друг друга лучше, нежели пары, которые долгое время сожительствовали без оформления отношений. Вдобавок профессор установил, что женщины читают мысли мужчин лучше, нежели, наоборот, мужчины – женщин. И наконец, ему удалось открыть поразительную способность: когда супруги находились в активной фазе ссоры (как назвал это Остужев), что сопровождалось повышением артериального давления и учащением пульса, они парадоксальным образом яснее знали, о чем думает их половинка.

Телевидение и прочие СМИ, принявшие следить за профессором и занесшие его в анналы персон, от которых можно ждать чего-то остренького, разразились по этому поводу новой порцией сенсационных сообщений:

ЧТОБЫ ПОНЯТЬ ЖЕНЩИНУ, НАДО СХОДИТЬ С НЕЙ В ЗАГС.

ЖЕНЩИНА МОЖЕТ ЧИТАТЬ ТВОИ МЫСЛИ (А ТЫ ЕЕ – НЕТ!).

ЧЕМ ЧАЩЕ РУГАЕТЕСЬ, ТЕМ ЛУЧШЕ ПОНИМАЕТЕ ДРУГ
ДРУГА, УТВЕРЖДАЕТ ПРОФЕССОР ОСТУЖЕВ.

Именно последнее открытие, подтвержденное в результате серии неоспоримых экспериментов, а именно: «телепатические способности супругов усиливаются, когда они в ссоре» – стало поводом для присуждения профессору Шнобелевской премии и его поездки в Бостон. После этого известность Петра Николаевича достигла таких масштабов, что его начали узнавать даже водители маршруток и продавщицы молочных продуктов в поселковом магазине.

Остужева Лина Яковлевна

Когда-то на излете советского времени, на первом курсе вуза, Линочка (тогда еще Гнеушева) впервые увидела Петюню и поняла: вот он, самый лучший, самый подходящий кандидат в будущие мужья. С ним и только с ним она достигнет вождяленного успеха. Она приведет его к почету, благополучию и славе, к магической формуле социалистического процветания: кандидатская диссертация в тридцать, докторская – в тридцать пять, академические регалии – в сорок пять. А вместе с научными достижениями должна прийти заветная триада советского триумфа: квартира-машина-дача, плюс любовь учеников и поездки за границу на симпозиумы-выставки-конгрессы. И это несмотря на то, что даже в свои семнадцать Петюня Остужев справился бы с ролью чудака-профессора в студенческом спектакле или ленте «Мосфильма», потому что именно таким чудиком и был: нечесаный, небритый, странно одетый. Руки, испачканные мелом, он вытирал о собственный пиджак и часто употреблял в речи выражение-паразит «собственно говоря». Зато задачки в домашках и на коллоквиумах щелкал в два счета, с оскорбительной (для его однокурсников) быстротой. Вдобавок обладал огромным объемом совершенно посторонних по отношению к учебной программе знаний. Чего ни касался разговор – а в те времена начальной перестройки студенты обсуждали многое и бурно, – обо всем этот довольно нелепый внешне студент имел глубокое представление и свое незаурядное суждение. Зайдет речь о только что разрешенном Гумилеве – он в красках расскажет биографию поэта, а потом как начнет читать на память – и будет декламировать вдохновенно, с пониманием поэзии и проникновенно, пока не остановят. Стоит заговорить (на прогулке по Москве, к примеру) об архитектуре, Остужев в два счета разложит, где модерн, где псевдоготика, где конструктивизм, и расскажет о виднейших представителях каждого стиля и где, что, кто построил. Начнется разговор о сталинских репрессиях – актуальнейшая тема на излете восьмидесятых, – Петя и здесь обнаружит глубокие познания с цитированием западных, не дозволенных у нас историков и политиков, с цифрами в руках, с личными делами казненных и палачей. А уж если речь зайдет о действительно любимых вещах – социологии, психологии, религиоведении, – юный Остужев может вести разговор буквально часами, при этом в наукообразные дебри не углубляется, оказывается интересен и свеж даже для неподготовленной аудитории.

Мамаша Лины преподавала в ту пору научный коммунизм и даже дослужилась в конце восьмидесятых до звания кандидата наук и доцентской должности – и значит, была дамой весьма хваткой. Она и девочку свою дрессировала в том же коммунистическом духе (который через десятилетие назовут феминистским): не менжуйся, мол, и сопли не жуй. Понравился тебе кто-то из парней – действуй сама, и немедленно, пока ретивая подружка не увела.

Как следствие, когда на первом же курсе, в сентябре, собрались вновь поступившие студенты организовать сабантуйчик в общежитии, а Петюня Остужев принялся отнекиваться – Лина самолично подошла к нему не просто вплотную, а так, чтобы он чувствовал ее дыхание и тепло молодого тела. Вдобавок мимолетно коснулась грудью его плеча и строго молвила: «Что это еще за новости?! Почему ты не хочешь идти? Я буду ждать!» Задыхнувшийся и на мгновение поглупевший от выброса гормонов молодой человек покорно сдал на вечеринку положенные три рубля.

Потом, на мероприятии, она напоила его сладким ликером – и Петюня стал вслух, под хохот собравшихся, восхищаться своим состоянием: «Господи, все вокруг кажутся такими милыми!» Затем Лина танцевала с ним медленный танец, и он остолбеневал и терял разум и дар речи от ее талии под своими руками и грудью, упиравшихся ему в грудь. После она повела его провожать себя домой и разрешила (и научила) поцеловать перед тем, как распрощаться у подъезда.

Вследствие вечеринки они стали парой. С точки зрения девочек в группе, Лина была средненькой, ничего собой не представляющей, ни кожи ни рожи – зато очень себе на уме. На взгляд парней, она была совсем не красавица, однако многие замечали в ней особенную чертовщинку, а кое-кто из числа особо продвинутых и грамотных говорил, что она секси. И только для Пети Остужева она очень скоро стала особенной, прекрасной, незабываемой. Для него она стала всем.

Разумеется, далеко не только голый расчет – если я буду с ним рядом, мы вместе добьемся успеха – двигал Линочкой, когда она обрабатывала и женила на себе юного Петра. Пусть он был нескладный, чудаковатый и старомодный – но зато с ним никогда не было скучно, и она, можно сказать, его почти полюбила.

Свадебку сыграли уже на втором курсе – веселую, студенческую, переместившуюся из близлежащего кафе в общагу и закончившуюся там восторгами любви не только для новобрачных, но и как минимум еще для семи пар гостей. Случилось это в восемьдесят восьмом, когда страна стала неудержимо и необратимо меняться.

Время перемен в СССР оказалось подходящей порой для того, чтобы начать новую жизнь. Парочка и начала. Линочка категорически отказалась жить с матерями – как с той стороны, так и с другой.

Мамаша Остужева старшим ребенком никогда не занималась – иначе бы он не приходил в институт в разных носках и никогда не глаженных брюках. Она была вся увлечена другими материями: во-первых, Петиной сестрой от второго брака, девочкой шести лет, а главное, налаживанием собственных матримониальных отношений (второй муж, равно как и первый, отец Петра, от нее сбежал). Но при этом свекровь на дух не переносила и не принимала вдруг появившуюся невестку. Шипела не только по углам, но и чуть ли не в лицо: «Окрутила парня! Женила! Виданное ли дело! В восемнадцать лет!»

Теща своего новоявленного зятя тоже не жаловала: не только гвоздя вбить не умеет, но и лампочку вкрутить, и даже карьерой своей ничуть не озабочен, знай лишь формулы в тетрадках рисует!

Как впоследствии не раз вспоминала Лина, решение проживать отдельно стало дальновиднейшим, ибо и свекровь, и теща не только имели собственное видение того, как должно строить отношения юным новобрачным, но и наперебой эти свои мнения выказывали – что напрочь могло уморить росточек молодой семьи. Когда старшее поколение находится на расстоянии, юнцам разругать свои проблемы проще.

Посему девушка сняла за пятьдесят тогда еще полновесных советских рублей для себя и Пети комнату в огромной коммунальной квартире, на восемь кухонных столов – зато в самом центре столицы, на площади (тогда еще) Ногина. И принялась осваивать сложную науку выстраивания отношений с соседками, организации быта и непосредственного управления молодым мужем.

Надо сказать, что даже в самом юном возрасте Петенька Остужев оказался, несмотря на свой потусторонний вид, на удивление приспособлен для добывания денег, чтобы прокормить возлюбленную молодую жену. Широта познаний и могучесть ума были столь велики, что его охотно взяли на кафедру на ставку лаборанта, и он переводил с двух языков, с английского и немецкого, составлял библиографии, придумывал и организовывал опыты – словом, не один десяток аспирантов, преподавателей, доцентов и даже профессоров кормились от его интеллектуальной мощи. Иные, наиболее благородные и имевшие доступ к материальным ресурсам, подбрасывали Петюне то материальную помощь, то путевку в профилакторий.

Поэтому, даже несмотря на изрядную по тем временам сумму, которую семейка ежемесячно выкладывала за съемное жилье, она особо не нуждалась. Тем более что Остужев оказался крайне неприхотлив во всех бытовых вопросах, включая еду. Мамаша его по жизни никогда не баловала. На завтрак ему достаточно было яичницы (или пары яичек вкрутую),

на обед хватало жареной картошки с куском обжаренной колбасы. А нет – сойдет та же картошка, залитая сверху яйцом. Или макароны, усыпанные сахаром. Или даже белый хлеб, намазанный сливочным маслом, с тем же песком. Вдобавок ведь и время в Москве наступило сложное: одновременно с безоглядным расширением ассортимента тем, дозволенных в печати и на ТВ, резко сократился (и без того скудный) ассортимент магазинов и запасов в холодильнике. Даже за столь любимыми Петечкой яйцами Лине требовалось выстаивать очереди, иной раз по несколько часов, с ограничением: не более двух десятков в руки.

Нечего говорить, что прочие бытовые хлопоты также свалились на хрупкие Линочкины плечи. Юный Остужев не знал, что рубашки и трусы для него сначала стираются Линочкой (вручную, в ванной), а потом гладятся. Чудесным образом на коврике для него всегда по утрам возникали начищенные штиблеты. Петечка ненавидел стричь ногти, и она освоила искусство маникюра. Он никогда не причесывался. Терпеть не мог стрижку и бритье бороды, и она взяла в руки ножницы и купила по случаю парикмахерскую машинку. В общем, надо признать, что в данном случае права была теща, когда с изрядным пафосом восклицала: Линочка отдала этому типу всю себя!

Помимо материальных и бытовых хлопот приходилось учиться. Остужев выхлопотал для обоих свободное посещение. Но ему-то с его знаниями и талантами зачеты с коллоквиумами и экзаменами было сдать раз плюнуть. А ей и над учебниками приходилось ночами корпеть.

Затем молодую семью накрыла новая напасть. Советский Союз неудержимо двигался к своему развалу, в Москве начались митинги, демонстрации: за новую конституцию, против КПСС, КГБ и партийных привилегий, за межрегиональную группу, Попова, Собчака и Ельцина. Пару раз Петечка подбил Линочку сходить на митинги – не то чтобы он стал политизированным (хотя партию, правительство и тайную полицию не любил), просто ему казалось интересным на примере проследить, как коммуницируют с толпой сторонников оппозиционные народные вожди. Ну, сходили – и сходили. Покричали вместе со всеми: «Долой шестую статью!»¹ и «Борис – борись!»

Но спустя пару недель Линочка начала замечать неладное. Петечка ее стал каким-то нервным. Даже на нее принялся повышать голос, а всеокрушающая его сексуальная тяга, наоборот, ослабела. Она пыталась с ним – в хорошие минуты, после ужина с жареной картошкой – откровенно поговорить, узнать, что такое. Он хмуро отмалчивался.

Неприятные явления нарастали. Юный муж ощутимо побледнел и стал худеть. Несколько раз она замечала, проснувшись глубокой ночью, что Петечка ее не спит. Такое случалось и раньше – но в случаях бессонницы он сидел обычно за столом и при свете лампы лихорадочно что-то строчил в своих рабочих тетрадах: записывал идеи и мысли. Теперь же он лежал навзничь, без света, в напряженной позе – но глаза открыты, явно не дремлет, а о чем-то думает. Она спрашивала спросонья, что такое, – Петечка всякий раз отвечал грубо. Попыталась вызвать его на разговор в светлое время суток – снова рык, что ранее для него было совсем нехарактерно.

А потом однажды вечером, когда в огромной коммунальной квартире, на удивление, не оказалось никого из соседей, он позвал ее в ванную, включил воду и стал говорить странные вещи. Сначала она подумала, что дурачится, прикалывается, шутит – но потом глянула в остекленные глаза, в которых плескался совсем не юмор, а, наоборот, страх, и поняла, что он, ой-ей-ей, всерьез. А Петечка втирал ей, что за ним следит КГБ – он это точно знает, сам видел, и телефон их агенты прослушивают, и на кафедре про него вызнают. «И Перфильевна (соседка) ходит, вынюхивает, подслушивает – явно им стучит».

¹ Шестая статья Конституции СССР провозглашала руководящую роль в стране коммунистической партии. В конце 80-х гг. в стране началась широкая народная кампания за ее отмену.

– Но с какой стати КГБ вдруг понадобилось следить за тобой?! – искренне удивилась она. – Ты что, шпион американский?

– Мы же с тобой ходили на митинг!!!

– Ну и что? Сотни тысяч людей ходили. За ними за всеми что, тоже следят?

– Помнишь, нас тогда какой-то тип в толпе, в пыжиковой шапке, снимал на камеру? Явно из Комитета. Вот я и попал к ним в разработку.

– Ох, Петя, им бы сейчас своих пересчитать – до тебя ли им дело? Все у них рушится: и Кремль, и Лубянка!

– Напрасно ты так думаешь! – высокомерно проговорил он, и по выражению его лица Линочка поняла, что он ей совсем не поверил.

А наутро начались совсем канты: Петечка, хоть и проснулся – да и спал ли вообще? – отказался покинуть кровать. Сказал, что в институт не пойдет, потому что все, и коллеги на кафедре, и студенты в группе – все обращают на него внимание, за глаза над ним посмеиваются, хохочут на его счет и издеваются. Никакие логические доводы Лины действия на него не возымели. Пришлось оставить мужа в постели.

Когда обычный человек сталкивается с проявлением явного психического нездоровья, особенно со стороны близкого, его, как правило, охватывает растерянность и паника: что делать и как помочь? Или же он, напротив, не принимает ситуацию всерьез и пытается вылечить народными средствами: развеяться, в баньку сходить, обстановку переменить. К чести Линочки следует сказать, что она не стала тянуть время в надежде, как часто бывает, что человек отоспится/одумается/само пройдет. Избежала она и другой крайности: вызова скорой психиатрической и помещения молодого мужа в Кашенко. Напротив, юная жена стала действовать единственно верным в тех обстоятельствах методом.

К счастью, у Линочки имелся знакомый доктор, терапевт, старый семейный врач, чуть ли ни дальний родственник. Он и мать ее пользовал, и саму Линочку. К нему она немедленно, из близлежащего телефона-автомата, и стала звонить (совершенно недопустимо было совершать подобные звонки во всеуслышание из коммунальной квартиры). Взяв с терапевта слово, что тот ничего не скажет ее родительнице, девушка описала проблему.

Доктор оказался категоричен: «Надо срочно лечить!» – и дал телефон своего приятеля и, как он выразился, «соответствующего специалиста». «Специалист» оказался по телефону доступен и, только начав выслушивать рассказ Линочки, молвил: «Приезжайте ко мне домой сегодня вечером. Вытащите мужа под любым предлогом. А пока – не оставляйте его одного, позвоните на кафедру и скажите, что он заболел – погода гнилая, грипп ходит».

Скоростное, точное и деятельное участие юной жены спасло Остужева. Он недалеко успел уплыть на волнах своей паранойи. Тем же вечером Лина вывезла его из дома, правдами-неправдами, к психиатру. Сказала: «Поверь мне: ты болен!»

Практиковал специалист в городской квартире – старинной, барской, забитой антикварной мебелью и безделушками. Был бородат и лысоват, как и положено последователю Фрейда и Бехтерева, но лицо имел широкое и крестьянское, а бороду – лопатой. И фамилию носил простецкую – Коняев, а звали его Антон Дмитриевич. При этом обладал цепким взглядом и размеренной речью.

Психиатр побеседовал сначала с ними обоими, потом – лично с Петей, наедине. Лина ждала в смежной комнате, и до нее временами доносилось из-за закрытой двери, на два голоса: «А Шпенглер... А Шпильрейн... А Хайдеггер... А Фромм...» Со стороны могло показаться, что не прием по скорбной специальности идет, а ученое толковище коллег – симпозиум. В какой-то момент стало даже мнить: врач позовет ее, благодушно рассмеется и скажет, что опасность миновала, и благополучно отпустит домой. Однако нет, после сорокаминутного разговора с больным доктор вышел к ней в соседнюю комнату, затворил дверь и молвил, что надо лечить, но прогноз в целом благоприятный. Фармакология достигла в

данной области многого, появились могучие лекарства, но врачевание будет тяжелым. Главное – строго выполнять все предписания и не загреметь в больничку. Доктор выписал схему приема таблеток и рецепты. Посоветовал им обоим взять, а лучше купить, длительный больничный, все время быть вместе, гулять и строго по часам пить лекарства. «Сейчас главное – избежать госпитализации, и желательно ни с кем, ни с коллегами, ни с друзьями, ни даже с родственниками не делиться происходящим».

– Но что с ним, что? – спросила Лина. – И что будет?

– По одному эпизоду диагноз, а тем более прогноз, весьма затруднителен. Возможно, реактивный психоз, и это самое лучшее из вероятных вариантов. Возможно, шизофрения. Но, по моему опыту, скорее следует счесть происходящее проявлением маниакально-депрессивного психоза.

Девушка дернулась.

– Но не пугайтесь. Никаким маниаком, вопреки названию, ваш супруг не стал и не станет. Да и заболевание это в новом классификаторе всемирной организации здравоохранения вскоре будет переименовано в гораздо более мирно звучащее биполярное аффективное расстройство. Интеллекта данное расстройство, как правило, не затрагивает. Больше того, имеется высокая его корреляция с выдающимися научными и творческими достижениями, и больные с подобным диагнозом благополучно живут долгие годы и достигают немалых успехов. Правда, при условии постоянной консультации и помощи врача.

Они вдвоем вернулись в комнату к Петечке – тот с увлечением рассматривал иллюстрированную Книгу рекордов Гиннесса за восемьдесят девятый год. Коняев тут же сделал ему в плечо укол, а девушка укромно оставила на столике конверт с пятнадцатью рублями – большими деньгами по тем временам!

Сразу после укола Остужев стал тихим, ласковым, адекватным – и страстным. Они еле до своей коммуналки от квартиры врача успели добраться.

Но потом лечение шло с переменным успехом. От антидепрессантов Петенька располнел и стал вялым. Он вернулся в институт, но ничто его не интересовало. Пришлось снова посещать врача, корректировать схему лечения. Наконец, только к осени состояние нормализовалось, и Петенька стал прежним Петенькой. Коняев снял прежние лекарства, но назначил профилактически пить литий.

Как и велено было врачом, ни он, ни она болтать никому ничего не стали. Ни в семье – хорошо, что ни свекровь, ни теща, ни друзья, ни даже соседи ни о чем не догадались. Доктор так и говорил: «То, что внутри вас происходит, никому снаружи не заметно. Каждый человек слишком увлечен самим собой. А если даже кто-то вдруг станет допытываться, что с вами, предпочитайте самые простые объяснения. Говорите: не выспался, или: много работы.

Хоть и чесался порой язык поделиться, особенно у Лины, она молчала. Посадила мужа на строгую диету – капуста, свекла да морковь – даром что в магазинах ни черта не было, – и он быстро вернулся в прежние весовые кондиции.

Они снова зажили как прежде. Увлеченный Петюня стал подбирать материалы к будущей диссертации. Лине все больше времени пришлось проводить в продуктовых очередях, потому что из продажи, даже в столице, исчезло решительно все.

А год спустя вдребезги разлетелся Советский Союз, и довольно быстро оказалось, что прежней парадигмы кандидат наук – доктор – академик больше нет. Все рассыпалось в прах. Бал стали править не самые умные и образованные, а самые наглые и алчные.

Не одна советская женщина в новых условиях впала в депрессию, не одна отставила бы как совершенно неперспективного во вновь создавшихся условиях такого партнера, как Остужев, да еще с проблемами с головой, и начала строить свою судьбу заново – с кем-то другим. Иное дело Лина. Она от своего выбора и от своего Петюни не отказалась. Напротив,

обладая редким сочетанием обаяния и хватки, девушка осторожно начала вписывать Остужева в переменяющуюся реальность.

Весной девяносто первого они окончили институт, и, как планировалось задолго, Остужев ожидаемо поступил в аспирантуру. Прошла по конкурсу (заметно упавшему) и Лина. Вот только теперь аспирантской стипендии стало хватать лишь на пару батонов хлеба. Перед семьей молодых специалистов замаячил вопрос: как жить? Подступил неотвратимый призрак голода. Тем более требовалось оплачивать съемную комнату, хозяин которой, весьма актуально, перевел расценки в доллары. Приходилось регулярно, хотя бы раз в сезон, профилактически посещать Коняева – на этом настаивала Линочка. Психиатр тоже быстренько перестроился и стал брать, как тогда говорили, в у. е. или в СКВ².

Свекровь, мамаша Пети, совершила финт ушами. В эпоху, когда аэропорт «Шереметьево-два» ломился от будущих эмигрантов, которые спали в зале ожидания на газетках – этнических немцев, евреев, греков, – она подхватила младшую дочку и укатила в Австралию. Помощи от своей собственной матери, которая лишилась возможности преподавать благословенный научный коммунизм, Лине тоже ждать не приходилось.

Нет, ради спасения себя и любимого Лина не стала жертвовать собой. Она слишком высоко себя (и спутника жизни) ценила. Поэтому не пошла ни подьезды мыть, ни в гувернантки, ни на панель. Поступила более умно, чутко и дальновидно: нашла супругу подходящее дело. Казалось бы, где мог трудиться и что заработать в России, в суровом девяносто втором году, ученый умник со всеми повадками чудака-профессора? А вот поди ж ты! Лина отыскала ему работу переводчика с английского на норвежской нефтяной платформе. (Язык Остужеву, как и все прочие науки, давался легко.) Проконсультировались с психиатром Коняевым. Тот снова выписал литий, велел при любых тревожных симптомах немедленно звонить, однако благословил: «Пусть едет!»

И Остужев отправился, вахтовым методом, на три месяца в Арктику, в северные моря. Стал там переводить инструкции к бурам, а также организовывать коммуникацию между холодными норвегами и отечественными буровиками. Зато зарплата Петечки составляла едва ли не полторы тысячи ежемесячных долларов – тогда это были настолько громадные, волшебные, сказочные деньги, что молодая семья чувствовала себя просто Крезами. Лина впервые и сама оделась, и супруга нарядила по-человечески. Ничего сверхъестественного, но по тем временам круто: кожаный плащ из магазина «Ле Монти» для нее, кожаная турецкая куртка для него; джинсы и кроссовки с вещевого рынка. Полтора месяца Остужев провел на побывке в столице и, не теряя времени, снова бросился в свою любимую науку. Вскликивал в пять утра, что-то лихорадочно записывал, потом неся на кафедру ставить эксперименты и общаться с научным руководителем. Коняев диагностировал у него фазу подъема и велел, чтобы не перехлестнуло, увеличить дозу лития.

Закончился срок отпуска-побывки, и Петр Николаевич опять уехал на шельф тянуть лямку транслятора и интерпретера. А что же Лина? Ужели она погрузилась в обслуживание супруга столь полно, что напрочь отказалась от собственной жизни и амбиций? Не совсем так. Еще в процессе, когда он за ней ухаживал, она смекнула, что идей в голове будущего супруга рождается столько, что не будет большим грехом по-братски позаимствовать у него пару-тройку для себя. Вдобавок то, что она становилась соратницей мужа не только в быту или постели, но и в науке, творчестве, придавало их отношениям большую глубину или стереоскопичность. Опять же Петечка поступал под более плотный, едва ли не круглосуточный надзор, и можно было своевременно реагировать на интерес к его интеллекту (и ему лично) разных учениц, студенток и аспиранток – всяких там любительниц проехаться на дармовщинку, без выслуги лет, заслуг, роду и племени. Упорства и усидчивости ей было

² В условных единицах или свободно конвертируемой валюте.

не занимать. Поэтому Лина, поступив в аспирантуру, взялась за диссертацию – по теме, щедро подаренной мужем, и постоянно пользуясь его гениальными подсказками. В конце концов, следовало исполнить вековечную мечту ее семьи – продолжить научную карьеру, где, помимо матери, имелись кандидаты наук дед и бабка.

Так как аспирантская стипендия Линочки оказалась, естественно, ни на рубль не выше, чем у Петечки, девушке пришлось искать новые заходы, чтобы обеспечить молодую семью – не вечно же супругу толмачить на арктической платформе! Поэтому в то время, когда тот пропадал на буровой, она начала, в процессе своего отдельного столичного житья-бытья, деятельно интересоваться иноземными грантами в выбранной им специализации. Писала (от своего и мужа имени) письма, заполняла бесчисленные формы, лично пыталась воздействовать на людей, которые приезжали сюда из-за кордона принимать решения. В результате ее хлопот, когда в девяносто четвертом, на год раньше положенного срока, Остужев защитил свой диссер, и он, и она, а также его научный руководитель немедленно получили гранты от западных благотворителей. Так в итоге и пережили самые непростые российские времена.

Затем все та же Линочка выхлопотала для супруга аспирантуру в провинциальном американском университете. Они уехали вместе (ее диссертация так и осталась недописанной), и Петя довольно быстро защитился на английском материале (и на английском языке) и стал полноценным «Ph.D.» Ему предложили место ассистирующего профессора, и Остужев предложение принял. Казалось бы, жизнь и судьба их семьи были определены, и самым качественным образом, однако опять начались нелады со здоровьем. Уехав за океан, они потеряли контакты с Коняевым, а тут на бедненького новоиспеченного профессора снова надвинулось неприятное, волнующее, грозное. Вдруг он (Лине немедленно донесли) выступил на кафедральном собрании с неподобающей речью, отчасти неpolitкорректной в адрес коллег с иным цветом кожи, затем неожиданно, от полноты и избытка чувств-с, шлепнул студенточку по обширной американской попе, а вечером стал составлять в Интернете воззвание в защиту коренного индейского населения.

Пришлось Лине срочно будить Коняева по телефону (никаких скайпов и прочих мессенджеров тогда не существовало). Психиатр сказал, как в первый раз, что требуется срочное лечение. Дал телефон своего коллеги в близлежащем крупном американском городе. (Воистину психиатры оказались сектой, у которой всюду имелись свои братья!) Супругам понадобилось еженедельно ездить туда, а Петру Николаевичу принимать таблетки, прописанные новым мозгоправом. В итоге счета от доктора составили поистине сумасшедшую сумму, вдобавок слухи о нездоровье и эскападах русского профессора просочились к руководству университета. Как следствие, с заокеанским раем они распрощались и вернулись на родину.

Однако связи в родимой столице не успели потеряться, да и имя Петр Николаевич успел себе наработать. И на излете века двадцатого Остужев сделал и защитил докторскую, теперь на русском языке, а вскоре стал в своем родном вузе профессором и замзавкафедрой.

Поэтому, пусть с известным зигзагом, благодаря подвижничеству Лины судьба молодого ученого, несмотря на здоровье и политические пертурбации, вывела туда, к чему изначально готовилась и куда нацеливалась: почти что своя кафедра, а также почет, уважение, цитирование, ссылки, симпозиумы, ученики, гранты.

Остужев Петр Николаевич

В середине нулевых, после прогремевших исследований и Шнобелевской премии, в сладкое время громкой популярности, в жизни Петра Николаевича появился новый друг. Впрочем, говорить о дружбе применительно к жизни профессора не совсем корректно. Что такое *дружба* и как это можно – *дружить*, Остужев искренне не понимал. Он поддерживал ровные товарищеские отношения с коллегами по работе, старался быть со всеми милым и приветливым – но и только. Когда выпускники организовывали вечера в честь пяти-, десяти- или пятнадцати лет со времени окончания института, он на них покорно (по настоянию и в сопровождении жены) показывался – но не более чем на час. А вот встречаться с кем бы то ни было специально, для того чтобы *общаться* или, пуще того, *делиться* своими мыслями или наболевшим – благодарю покорно! Ведь сколько можно полезного и приятного для себя и для науки сделать в эти часы! И только благодаря стараниям Линочки, которая прекрасно понимала важность в наши дни социальных и профессиональных связей, ученый, еще будучи в Америке, хаживал, по ее категорическому настоянию, на всевозможные «пати» и даже коллег домой приглашал. Когда вернулся в родную страну, жена заставляла его устраивать банкеты, вечеринки и междусобойчики – по разным случаям и в самых разных форматах: от бутербродов на кафедре до посиделок в близлежащем кафе. Тем более что Лина, работая рядом, держала нос по ветру по части поводов для общения, а при случае могла и складчину организовать, и в магазин сгонять, и бутерброды нарезать. Петру Николаевичу оставалось лишь покоряться и делать так, как велит Линочка.

По ее команде все организовалось и с новым, с позволения сказать, другом. Будь Петр Николаевич сам по себе – он бы проигнорировал всяческие поползновения последнего на приятельство, что, возможно, восприняли бы в итоге как высокомерие и зазнайство, и это повредило бы профессору. Да, он, конечно, решительно не понимал, почему ему следует тратить время на человека малообразованного, циничного, прохиндеистого и вообще – совсем из другой социальной страты. Но супруга ему строго говорила: «Послушай меня!» – а уж когда она начинала этой дефиницией, дальше можно было как раз не слушать Линочкины аргументы и способы доказательств. Сразу становилось ясно, что делать все равно придется так, как она скажет.

Вот и в случае с Борисом Аполлинарьевичем Чуткевичем получилось, как Линочка велела. Совершенно ничего общего между ним и Остужевым быть не могло. Чуткевич был журналистом. Точнее, руководителем и издателем печатного холдинга «XXX-плюс». Когда-то он начал с сенсационной ежедневной газетенки «XXX-press». Затем к ней прибавился еженедельник, а потом и журнал. Несмотря на свою уважаемую профессию (а может, как раз благодаря ей), Чуткевич был человеком слабо образованным, зато сильно бесстыдным, наглым и разухабистым. Отличался он при этом живым и быстрым, как ртуть, умом и блестящей реакцией. Принадлежавшие ему газеты и журналы самого коммерческого и сенсационного толка Борис Аполлинарьевич создал, выпестовал и выстроил сам, своими руками, при этом (как говорили) спуску своим подчиненным газетчикам не давал и, к примеру, транслировал им собственные трудовые указания исключительно на языке матерном. Меж собой подчиненные звали его Барбосом Аполлинарьевичем – о чем тот ведал и даже чуть ли не гордился подобной кличкой.

И вот узнав – со страниц собственных изданий – об исследованиях профессора Остужева, главный редактор вспылал к нему интересом и возжелал познакомиться лично. Линочка провела о приглашении случайно, отругала, что Петечка собрался его игнорировать, и настоятельно посоветовала пойти. После первой встречи, произошедшей в ресторане, чету Остужевых позвали к Чуткевичу на частную вечеринку. Затем (несмотря на робкое

сопротивление профессора, преодоленное строгим Лениным «Послушай меня!») пришлось организовать ответный визит Бориса Аполлинарьевича к себе. Так и наладилась потихоньку дружба – невзирая даже на то, что главред был женат в третий раз и почти не скрывал наличие параллельных любовниц и прочих женщин для утех, а жена профессора вроде бы строго относилась к моральному облику своих знакомых. Но для журналиста непримиримая Лина сделала исключение. Не помешало общению даже то, что редакторская чета оказалась гораздо более обеспеченной, чем профессорская: и дом роскошный с бассейном, и «Мерседес». А может, Лине не хватало в окружении такого человека, как Чуткевич – беспрельдно деятельного и безгранично циничного, безо всяких моральных тормозов. Заводной и дельный, он чем-то нравился ей, по контрасту с тихим и абсолютно порядочным профессором, которого вечно приходилось направлять в нужную сторону. Во всяком случае, когда Борис Аполлинарьевич принимался, не смущаясь присутствием собственной жены, за ней довольно грубо, если не сказать грубо, ухаживать, она, к вящему удивлению Петра Николаевича, не противилась, а, напротив, даже млела. А когда Остужев пытался, говоря ее языком, *выступить*, то есть возражать против встреч с Чуткевичами, она строго произносила: «Послушай меня! Этот человек тебе еще пригодится».

Примерно в то же время, когда завязалось знакомство с главредом и его семьей, а именно в середине первого десятилетия нового века, профессором овладела новая идея. Завиральная, как и предыдущие – но именно на завиральных мыслях базируются новые научные теории, создаются авторитеты и целые отрасли знания – разве нет? Разве не говорил великий Нильс Бор, что «эта идея недостаточно безумна, чтобы быть гениальной»? А у Петра Николаевича все задумки последних времен, принесшие ему мировую славу, были, что уж говорить, с определенным прибаблом.

Как раз в тот исторический период прогрессивное человечество открывало радости бесплатного общения на огромные расстояния – причем зачастую с незнакомыми и никогда не виденными ранее людьми. Пока только с помощью компьютера и Интернета – для смартфонов, планшетов и повсеместного распространения мессенджеров время еще не пришло. Но все равно профессор живо интересовался всевозможными компьютерными чатами, сам участвовал во многих из них (разумеется, под вымышленными никами, то есть псевдонимами) и активно обсуждал разнообразнейшие темы. Сначала идея его была простой: если мы не видим собеседника и не знаем, кто он, какими способами и методами, с помощью каких вопросов и обсуждения каких тем мы можем разоблачить его, привязать бестелесный ник к конкретному товарищу из плоти и крови? Довольно реалистичная (пока) и имеющая практическое значение идея. Однако Остужев воспарял дальше. А если под ником на противоположной стороне линии связи кроется не-человек? Тут обычно его оппоненты спрашивали: «А кто?» И профессор говорил: «Ну, машина, например». Оппоненты кривились: «Это ведь известнейшая вещь! Капча, тест Тьюринга!»³ Петр Николаевич отмахивался: «А вы представьте: в каком-то секс-чате мужчина начинает флиртовать, ему искусно отвечают, доводят его до кипения – а потом оказывается: то была лишь компьютерная программа!» К слову, подобную «цифровую незнакомку» он поручил создать, в качестве курсовой работы, своим лучшим ученикам – те справились и затем благополучно морочили головы не только собственным сокурсникам, но и всему населению Интернета.

Но флирт-программы оказались лишь побочными продуктами высоких воспарений профессора. Однажды он задался вопросом: «Возможно ли с помощью чатов общаться с людьми *несуществующими*? Например, с теми, что ушли? Иначе – *мертвыми*? Может, их

³ Тест Тьюринга – эксперимент, заключающийся в том, что человек, не знающий, с кем имеет дело, должен определить, с человеком он общается или машиной. Капча (CAPTCHA) – рисунок или группа символов, которые легко расшифровывает человек, но не может понять компьютер. Повсеместно применяется для защиты от хакерских атак, вирусов и спама.

электронные поля, их интеллект и даже личности хранятся где-то в пространствах мира и могут быть востребованы с помощью вычислительной машины? Может, с помощью компьютеров с ними можно коммуницировать? Может, не случайны догадки почти всех религий о бессмертных душах?»

Совершенно все коллеги, с кем он делился подобной идеей, кривились из-за ее исключительного сумасшествия. И только Лина, твердо и безоговорочно верившая в мужа, подбодряла супруга: «Блестящая задумка! Давай, работай! На Нобелевку тянет!»

Как ни странно, придумкой Петра Николаевича заинтересовался главред Чуткевич. Остужев обычно не информировал людей, далеких от ученых сфер, о своей деятельности и тем паче творческих планах. Но как-то Борис Аполлинарьевич подпоил его на своей даче вкусеньким вискарем с колой, и профессор разболтался. В итоге издатель уважительно похлопал его по плечу: «Мощный ты мужик! Ишь, чего выдумал! Если бабло на исследования нужно, ты скажи, я подсыплю».

– Ты только не вздумай ничего об этом в своих газетах писать! – испугался ученый.

– Да что ты, я и писать-то не умею, – отшутился главред.

В середине нулевых годов скончалась Линаина мамаша. Она оставила ей, единственной и неоспоримой наследнице, квартиру в столице и участок с развалюхой в старом поселке неподалеку от Кольцевой – но не где-нибудь, а на самом Рублево-Успенском шоссе. В пору нефтяного бума и российского подъема земли в тех местах котировались высоко, предложений продать, даже за миллион долларов, хватало. Однако Линочка с присущей ей энергией решила превратить ветхий родительский дом за городом в современное гнездышко для себя и своего благоверного. Вдохновением и стимулом для нее был коттедж, где отдыхали Чуткевичи. Разумеется, такого полета, как они, Лина достичь даже не пыталась – но хотя бы приблизиться! Шнобелевской премии (составлявшей в денежном выражении 10 триллионов зимбабвийских долларов, или, по курсу, всего лишь три бакса американских), равно как заработка профессора на кафедре, на перестройку явно не хватало. Пришлось продать доставшуюся в наследство квартиру в столице. Зато через полтора года интенсивных строительных работ и непрерывной ругани с подрядчиками, мастерами и рабочими (от которых профессор обычно прятался) семья Остужевых получила во владение прекрасный двухэтажный особняк, выполненный в стиле а-ля русская изба, из ошкуренных балансов, но со всеми удобствами внутри, включая джакузи и широкополосный Интернет.

На новоселье Лина Яковлевна Остужева пригласила всю кафедру и, разумеется, Чуткевичей. Гуляли шумно, домом восхищались (даже жена Чуткевича, та еще штучка из моделей), и после того, как все разъехались, женщина вздохнула: жизнь, кажется, удалась. У нее имеется талантливый и известный (причем далеко не только в узких научных кругах) супруг, свой дом в ближнем Подмоскowie. Не хватало лишь одного.

Вплоть до сорока с лишним лет у семьи не случилось детей. В какой-то момент, еще в начале нулевых, Лина перестала предохраняться – однако не беременела. Подруги советовали ей идти лечиться (профессор был выше этой суеты, деторождением не интересовался и вопросов не задавал). Однако Остужева решила: нет так нет, раз Бог не дает, значит, не надо. В конце концов, у ее супруга заболевание хроническое; этиология у биполярного расстройства в семидесяти процентах случаев, она читала, – наследственность. А вдруг они своего сыночка или доченьку психической болезнью наградят? Поэтому мечтала: вот встанут они окончательно на ноги – дом доведут до ума, профессор станет завкафедрой, она сама докторскую защитит – и тогда, лет в сорок пять, возьмут из детского дома хорошенькую девочку-отказницу. А потом – мальчика. Усыновят и воспитают как своих.

Не случилось.

Так бывает в современном мире. Утром ты провожаешь человека на работу, небрежно чмокаешь его и просишь купить на обратном пути сосисок.

А через пару часов раздается звонок с самого знакомого мобильного номера, но звучит не родной голос, а чей-то незнакомый, грубый, мужской. И говорит, что с вашей женой произошло несчастье и следует как можно быстрее приехать.

Что дальше происходило в тот день, Остужев старался не вспоминать. В памяти остались жуткие, режущие, как ножи, обрывки:

Лина Яковлевна возвращалась домой из института...

Пустынная вечерняя улица...

Подбежал наркоман, выхватил сумку, ударил ножом...

«Скорая» приехала быстро...

Ранения оказались несовместимы с жизнью...

Примите глубокие соболезнования: она скончалась...

Вы держитесь...

Еще Петр Николаевич запомнил, как где-то в ночном больничном дворе он звонит по мобильнику всем подряд: маме в Австралию, доктору Коняеву, издателю Чуткевичу... Ему хочется, чтобы они ему – хотя бы кто-то из них – сказали: «Это бред, это сон, этого не может быть, ты сейчас проснешься...»

Не сказали.

Сорвался и приехал Коняев – первый, но не единственный случай, когда он побывал у Остужева дома.

Психиатр накачал профессора нейролептиками и антидепрессантами.

Выбралась – в первый и последний раз – из своей Австралии мама.

Чуткевич взял на себя все ужасные хлопоты по организации похорон.

В итоге последовавшие за страшной вестью об убийстве пару недель профессор Остужев провел не то чтобы как во сне. Впоследствии они, эти дни, вовсе изгладились из его памяти – как и не было их. Он не помнил ни тягостного опознания в морге, ни подготовки к похоронам, ни самой церемонии. Забылись допросы, и довольно активные и даже грубые – которые, оказывается, велись в его отношении в полиции: а не он ли, спрашивается, порешил свою женушку? Мотивов хватает – один дом на Рублевке чего стоит. Слава богу, полицейские знать не знали (и так и не провели) о его диагнозе – а не то точно закатали бы в маньяки. Но вскоре полисмены отстали – о происходившем Остужеву постфактум рассказывали коллеги, сам он ничего не помнил.

Помог Коняев: немедленно заложил своего постоянного пациента в стационар. Платную клинику для привилегированных сумасшедших с палатами на двоих. Пичкал его ударными дозами – так что Остужев проводил почти все время в блаженной сладкой полудреме. (Потом, когда он вышел, оказалось, что суперспецбольница съела едва ли не половину семейных накоплений). В какой-то момент – месяц прошел или больше – психиатр решил, что профессор достоин самостоятельной жизни. Лично привез его в особняк – где к тому моменту специально нанятый человек ликвидировал (по совету того же Коняева) все и всяческие следы, напоминающие о покойной супруге: ни фотографий, ни вещей, ни безделушек – ничего. Даже машину ее быстренько продали за полцены.

Но все равно – она ему постоянно о себе напоминала.

Придет ли в пустой и глухой дом и по ошибке, в задумчивости, крикнет: «Лина, я дома!»

Увидит ли в потоке автомобильчик, точь-в-точь как ее.

Попадется ли на глаза книга, которую они вместе читали и обсуждали.

Профессор никогда не говорил Линочке о любви. Такого слова вообще не было в его лексиконе. И он никогда не думал, что он ее любит. И даже не думал, что способен любить.

Казалось бы: Лина просто организовывала ему быт и жизнь – и точка. Теперь, когда ее не стало, организация жизни рассыпалась – но быт можно было наладить и устроить по-другому, была бы воля.

Дело было в другом. Сейчас, когда Линочка *исчезла*, Петр стал ощущать постоянное тянущее, сосущее чувство. Как будто от него ампутировали – вот только что? – что-то более серьезное, чем даже руку, ногу. Может быть, сердце? Или кусок его самого? Или часть его души?

То и дело являлись образы, центральным в которых была – ОНА.

Вот они вместе на любимом американском пляже. Вечер, прохлада. Он выходит из воды, а она подает ему полотенце. Кто-то скажет: опять быт, обслуга. Но вспоминалось также и как спустя час, совсем вечереет, из океана выходит она, и купальное полотенце подает ей – он. И она, смеясь, вытирается и, одновременно приплясывая, вытряхивает воду из уха.

Или другое. Лето, жара. Лина возится со своими любимыми цветочками в саду. Глухая рубашка, перчатки по локоть – розы весьма колючи. Тыльной стороной предплечья оттирает пот со лба. И что-то в этом жесте есть невыразимо прекрасное – и теперь совершенно недосягаемое.

Или: преддверие Нового года. Она наряжает елочку на участке, собственноручно ею посаженную. Хоть детей они не имели, и никто из малолетних у них не гостил, а все ж таки традицию украшать рождественское дерево жена блюла неукоснительно. И подарки профессору под нее клала. И профессору велела делать ей таким способом сюрпризы. И вот она вешает игрушки – благополучно сохранившиеся от ее детства и совершившие с ними путешествие по съемным квартирам, а затем в Америку и обратно. Лицо у нее сосредоточенное, даже хмурое. Профессору, как он ни занят своими мыслями и идеями, становится даже завидно, что она занята рождественскими хлопотами одна, и он вопрошает: «Тебе помочь?» А она рассеянно откликается: «Ну, что ты, что ты, я сама...» – и примеряет еловой ветке очередной шар...

Или такое, тоже недавнее: она выезжает за ворота недавно построенного ими особняка. (А в их семье, по вполне понятным причинам, рулила именно она.) Профессор закрывает за ней ворота – а когда она поворачивает за угол, то – лихая шоферша – нажимает на кнопку «аварийки»: салютует ему на прощание.

В тот вечер она поехала не на машине: «Что я буду пробки собирать». Отправилась на электричке, небрежно на прощание клюнула прохладными губами Остужева в щеку: «Ну, пока, дорогой».

Мысли обо всем этом были Остужеву невыносимы. Оно старался гнать от себя любые воспоминания о Линочке. Превращался в размеренного робота, заставляя себя думать только о своей науке, учениках, студентах и бытовых хлопотах.

Наверное, он покончил бы с собой – во всяком случае, мысли о суициде являлись к нему часто. Но мама успела ему внушить – до отъезда в Австралию она сильно увлеклась религией: самоубийство – один из самых страшных грехов, тяжелее даже, чем если убьешь кого-то.

И еще Остужеву казалось: он все-таки так и не выполнил своего жизненного предназначения. Что после него в итоге останется на земле?

Поэтому – надо было работать. И нести свой крест.

И началась у профессора совсем другая жизнь. Лишенный каждодневного руководства супруги, он совершенно перестал проявлять даже малейшее честолюбие. Требовалось ему, согласно контракту, провести две лекции в неделю и два семинара, проконсультировать дипломников и аспирантов, отсидеть на заседании кафедры – он покорно отбывал номер. Ни в какие посторонние разговоры, даже о погоде, ни с кем не вступал. Ни на какие междусобойчики, естественно, не ходил. Коллеги не тревожили его – еще бы, такое горе, такой

стресс! Остужев старался уместить все дела в два дня, бывал в столице по понедельникам и четвергам, с отвращением отбарабанивал обязательку и с облегчением уносился электричкой обратно – в дом, некогда любовно убранный Линочкой.

Все прочие пять дней в неделю он просыпался в своем коттедже в полном молчании – и порой весь день напролет в молчании проводил.

Соседи по поселку были ему не интересны, и с ними он обменивался лишь сухим «здравствуйте». Мысль о том, чтобы сойтись с другой, новой женщиной, была ему физически противна. Иной раз звонил Чуткевич, спрашивал, как дела, даже приглашал к себе – в издательский дом заехать или на дачу, однако профессор его приглашения твердо, но вежливо отклонял. Бывало, вдруг, по старой памяти, спохватывались радиийщики или телевизионщики, просили об интервью. Но подобный интерес случался крайне редко, в основном в сентябре или октябре, когда объявляли героев или вручали очередную Шнобелевку, и журналисты, прочесывая Интернет, вдруг с удивлением узнавали, что в Подмоскovie проживает один из прежних лауреатов.

Собственные научные исследования и труды коллег стали Петру Николаевичу глубоко безразличны. Он просыпался – один и засыпал – один. С поздней весны по раннюю осень еще имелись проблемы в саду и огороде, приходилось крутиться. И все равно точила мыслишка: а кому нужно опрыскивать смородину, если никто ее не ест? А зачем подрезать яблони? Стричь газон? Но тут надо не надо, хочешь не хочешь, приходилось работать, как Линочка завела. А зимой совсем грустно становилось. Только и дел, что сходить на станцию за кефиром, парой слов перебраться с продавщицами. Порой ему даже начинало казаться, что он тоже, как супруга, умер и попал в некий весьма комфортабельный рай.

Не раз и не два он замечал, что начинает разговаривать с различными одушевленными (но не разумными) и даже неодушевленными предметами. Например, с холодильником, стиральной машиной или СВЧ-печью, которые сообщали ему писком о том, что программа исполнена: «Слышу, слышу я вас, подождите, иду!» Или с синичками, которых трепетно кормил зимой семечками: «Кушайте, мои дорогие, кушайте!» Но чаще он принимался говорить с покойной Линочкой, как если бы она была с ним рядом.

Ему самому свои разговоры не очень-то нравились: совсем не хотелось походить на сумасшедшего старика, бормочущего что-то себе под нос. И тогда Петр Николаевич вспомнил-таки о своих собственных научных идеях того периода, что приходили ему в голову непосредственно перед гибелью Линочки, и решил возвратиться к ним. То был, как сказал психиатр Коняев (единственный человек, помимо кафедральных, с кем он поддерживал более-менее постоянное общение), шаг в верном направлении. Интерес к научной работе в профессоре постепенно просыпался. Как и все в своей жизни – как и самую свою жизнь, – Остужев решил поставить воображаемое общение с супругой на твердые, научные, аналитические рельсы.

Взялся разрабатывать аппаратуру. Писать программное обеспечение. Лина при жизни была продвинутым пользователем: у нее, как и у супруга, имелись аккунты во всех основных социальных сетях и мессенджерах. Остужев предпочел тот, по которому они обычно общались, когда супруга была жива. Когда устройство и ПО были готовы, он постановил себе посылать сообщения ушедшей дважды в сутки: утром, в двенадцать, и вечером, в полночь. И больше ни ее, ни себя не тревожить. А в остальном сдерживаться: ни с ней, ни с синичками или холодильником вслух не болтать. Решив так, профессор, как всегда в своей жизни, неукоснительно стал следовать заведенному правилу.

Например, утром извещал:

– Линочка, сегодня всю ночь лил дождь, и утром тоже. Поэтому гулять я не пошел. С утра поел творогу, выпил кофе с молоком – как ты любила. Попутно смотрел спортивный

канал – я теперь его часто смотрю, с тех пор как тебя не стало... (*голос задрожал*) ...ведь он теперь тебе не мешает... (*заплакал*).

А вечером докладывал:

– День прошел неплохо. Во-первых, наши выиграли в футбол, два-один, впрочем, тебе это неинтересно. Во-вторых, мне удалось сварить чрезвычайно удачный борщ. Я определенно делаю успехи в кулинарии, возможно, меня даже пригласят на какое-нибудь состязание поваров по телевидению.

И так, неукоснительно, изо дня в день.

Отчасти профессора это беспокоило: не сошел ли он бесповоротно с ума, не съехала ли, как во времена его молодости говорилось, у него окончательно крыша? Он даже не ограничился телефонным звонком, а приехал самолично к психиатру Коняеву, поделился с ним сомнениями. Тот заверил, чрезвычайно горячо – даже излишне горячо: «О чем вы говорите?! Разумеется, это совершенно нормально! Вы, Петр Николаевич, в свойственной вам, сугубо научной манере, преодолеваете последствия постигшего вас стресса. Вы изживаете, компенсируете свое горе. Знаете, как иногда, достаточно грубо, выражаются относительно рациона питания: все полезно, что в рот полезло? Так и в вашем случае. Вам полезно все, что успокаивает, позволяет жить в нормальном ритме, самому обслуживать себя».

Удовлетворившись сим объяснением, Остужев вернулся в дом и каждодневно продолжал свои послания уснувшей Линочке.

– Дорогая моя, сегодня у меня была маленькая радость: к нам на кормушку, наряду с обычными в данное время года синицами, прилетели снегири. Это значит, что весна близко. Интересно, есть ли там, где ты сейчас пребываешь, такое понятие, как весна? Чувствуешь ли ты ее приближение? Сегодня я наблюдал в окно нашей спальни за снегирями и думал: какая жалость, что ты их не видишь! А может, как раз наоборот? И ты оттуда, где находишься, видишь все – и их в том числе?

Однако Остужев не просто отправлял в никуда свои сообщения. Он продолжал совершенствовать процесс. Много думал, считал, вскакивал ночами, записывал идеи. Улучшал не только «железо», которое занимало уже полкабинета, но и софт – программное обеспечение. А днем продолжал наговаривать сообщения своей Линочке.

– Дорогая, сегодня три года, как тебя нет со мной. Конечно, я предпочел бы уйти первым, но раз Господь распорядился так, а не иначе, что ж делать с Его волей. И, ты знаешь, боль – она утихла, а грусть по тебе и тоска – они здесь, никуда от меня не делись.

...И однажды она ему ответила.

Прошли сутки

Погибшая супруга ответила Остужеву в ту знаменательную ночь в письменной форме. Он не слышал ее голоса, однако ни секунды не сомневался в том, что это она, – настолько своеобразными и привычными для него были присущие ей, заметные ему обороты даже в маленьком сообщении:

– Могу общаться только письменно. И далеко не всегда. Сеансы связи возможны только в это время.

– «Это время» – какое? – набрал на мессенджере профессор. Ему, как всякому ученому, самым важным показался даже не тот факт, что он общается с покойной супругой, а те условия, при которых данный опыт возможно повторить.

– Ночь, – кратко написала умершая.

Петр Николаевич оглянулся и увидел, что вокруг него и впрямь темнота. Точнее, бледный подсвет мая, полночь, трели соловьев.

– Надо связываться в двенадцать ночи? – уточнил он.

– Типа того.

Как часто бывало еще при жизни: в самые важные моменты судьбы начинались суетливые бытовые разговоры ни о чем, отвлекающие внимание и не дающие осознать величину происходящего.

Так было на первом курсе, спустя два месяца после памятной первой вечеринки, когда юный Петя принес Линочке цветы и предложил выйти за него замуж: «Садись. Ты не замерз? Сейчас найду вазу. Надо их подрезать».

Так и теперь: говорили вздор по сравнению с огромностью случившегося. Слова выглядели рядом с самим фактом разговора мелкими и ничтожными. И все-таки профессор, замирая, набрал в мессенджере:

– Как ты там?

– Все хорошо, – ответила жена.

– Как тебе там... – Ему хотелось написать «живется», но совершенно понятно было, что этот глагол в данном случае неприменим, поэтому Остужев стер все, кроме первого «как», и спросил: – Как... как у вас там все организовано?

Она отписалась незамедлительно:

– Ты даже не сможешь себе представить. Поэтому не будем больше даже упоминать об этом. А как ты?

– У меня все нормально. Часто думаю о тебе. – Последние слова были не совсем правдой. Профессор не просто *часто думал* о покойной. Он вспоминал о ней практически все время – иными словами, она, несмотря на свое полное физическое отсутствие, словно бы постоянно находилась рядом с ним. Поэтому, стараясь все-таки хотя бы отчасти приблизиться к честности, Остужев написал: – Ты для меня как будто не уходила.

И тут в его мессенджере появилось от лица погибшей любимой лапидарное:

– Я знаю.

И эти слова тоже совпадали с ощущениями Остужева. Все то время, как не стало Линочки, ему казалось, что она незримо присутствует рядом с ним. Или даже постоянно, как бы пошло сие ни звучало, следит за ним с небес, помогает, а также пристально ревизует его поведение. Он решил уточнить:

– Ты все время видишь, как я тут?

– Нет. Но знаю, что происходит, в общих чертах.

И тогда Петр Николаевич решился на вопрос, который столь долго его волновал:

– Как ты погибла?

Однако покойная жена ушла от ответа:

– Извини, я не могу долго говорить. Приходи завтра в это же время.

И Лина отключилась от мессенджера.

Сказать, что Остужев в тот момент был взволнован, означало ничего не сказать. Неужели его многолетние усилия увенчались победой? Ужели ему впервые в истории человечества удалось выйти на контакт с загробным миром? Неужели получилось наладить связь со своей столь горячо любимой и, увы, покойной женой?

В сильном возбуждении он вышел в сад, включил все освещение, какое только было на участке, и стал наворачивать круги по дорожкам, огибая дом. Потом вдруг круто менял направление и начинал вышагивать в другую сторону. Если бы кто-нибудь следил за ним, он, возможно, принял бы профессора за помешанного, потому что по ходу движения тот что-то мычал, разговаривал сам с собой и бурно жестикулировал – однако некому было видеть его поведение: соседи спали, да и забор, скрывавший Петра Николаевича, был весь, в глухую, увит вдовьим виноградом.

В какой-то момент, утомившись бродить, профессор присел в садовое кресло. Лето только начиналось, температура воздуха не превышала восемнадцати градусов, восток побе-

лел, просыпались птицы. Однако ни холод, ни возбуждение, ни звуки не помешали ученому вдруг неожиданно уснуть, да так глубоко, что, очнувшись, он обнаружил себя все в том же кресле, когда утреннее светило всю заливало сад, птицы гомонили наперебой, а от выпавшей росы и холода он дрожал всем телом. И это при том, что никогда – а тем более после кончины супруги – здоровый, крепкий сон не был сильной стороной Остужева. Чтобы заснуть, приходилось пить теплое молоко с медом или просить у личного врача Коняева выписать седативные препараты – и все равно он вечно ворочался в своей постели, не мог забыться, а потом бесчисленное число раз просыпался до рассвета. А тут – здоровый, легкий, глубокий сон без всяких пробуждений!

Первое, что подумал Петр Николаевич, проснувшись: все, что произошло, ему приснилось. Не было никакого разговора ни с какой Линочкой. Все это и впрямь невозможно, и ему лишь привиделось. Но! Должны были иметься (или отсутствовать) доказательства. С трепетом он достал свой телефон, открыл мессенджер, и там, о чудо, имелась вся их с супругой вчерашняя переписка, вплоть до: «Приходи завтра в это же время».

Верный своему научному долгу, профессор первым делом сделал скан переписки, а потом бросился в дом и тщательно, подробно расписал все, что случилось, включая режим, в котором работала аппаратура, и все внешние условия, вплоть до температуры воздуха: полночь, запах сирени, поющие соловьи. После этого он набрал телефон Коняева и попросил о немедленной аудиенции. Хоть месседжи с загробным миром маячили перед его глазами, он все равно сомневался, а не причудилось ли ему происшедшее?

Психиатр оказался дома и согласился Остужева принять.

Он выслушал рассказ Петра Николаевича, посмотрел на телефоне ночную переписку. Потом взялся – чего не делал лет десять – тестировать профессора, привлекая всяких там Роршахов, Беков, Зундов, Леонгардов. Наконец, на прямой вопрос пациента: «Не началось ли у меня обострение и натуральные галлюцинации?» – доктор откинулся в кресле, протянул: «Ну-уу... – а затем велеречиво молвил: – Назвать вас полностью психически здоровым человеком, как вы понимаете, я не могу, однако в данном случае у меня нет никаких оснований считать, что ваша так называемая переписка с так называемой женой является плодом вашего воображения».

– Так, значит, это – правда? Это было?

– То, что это не галлюцинация, можно утверждать с большой долей вероятности. Однако не забывайте, что жизнь наша не является монохромной и не состоит исключительно из дихотомий «черное-белое», «правда-выдумка». Возможно ведь предположить, что ваше так называемое общение с Линой имеет иные объяснения для своего появления.

– Например, какие?

– Что это чья-то неудачная шутка – того, кто вдруг прознал о сфере ваших научных интересов. Или, возможно – я этого сейчас не проверял, – у вас начинается диссоциативное расстройство личности.

– Что это такое? – нахмурился Остужев.

– Коротко говоря, раздвоение. В один момент вы думаете, что вы – это вы. А в следующий, что вы – это ваша горячо любимая, покойная жена Лина.

– Значит, вы хотите сказать, что все это я писал себе сам?

– Не исключен и такой вариант.

– Вот что! – вдруг решительно воскликнул Петр Николаевич. – Давайте-ка вы приезжайте сегодня вечером ко мне в деревню, и я постараюсь установить связь с Линочкой в вашем присутствии. Будете свидетелем и летописцем столь знаменательного события. Если хотите, я могу вам заплатить как за стандартный визит.

– Не настолько уж я меркантилен... – пробормотал психиатр, и глаза его загорелись. Какой ученый – а он, безусловно, относил себя к этому разряду – откажется стать свидетелем столь эпохального научного открытия! Или – столь необычного психического отклонения?

Вечером того же дня Коняев выбрался из столичных пробок и во второй раз посетил дом Остужева. Вдовец напоил его чаем с собственноручно сваренным малиновым вареньем. Ровно в указанный срок профессор подключил телефон к своей аппаратуре. Однако не успел он ничего написать, как экранчик ожил сам собой. От лица умершей Лины там появилось сообщение:

– С тобой Антон Дмитриевич? Как хорошо! Передавай ему привет от меня.

Сообщение имело на психиатра самое разительное воздействие. Он, всегда тщательнейшим образом следивший в присутствии пациентов не только за каждым своим словом, но и за всяким жестом, пошатнулся и схватился рукой за горло – что на невербальном языке, языке тела, свидетельствует о категорическом неприятии услышанного/увиденного. Бледность разлилась по его лицу.

– Как же так? – пробормотал он. – Как же так?! Я был уверен, что... – и осекся.

– Уверены – в чем? – с чувством торжества и превосходства спросил Петр Николаевич.

– Что вы меня разыгрываете, вольно или невольно! – напрямик высказался Коняев. – Но сейчас я не могу понять – как?! Как это происходит?!

– Он не разыгрывает, – откликнулся экранчик. – Я это действительно я, Лина Яковлевна Остужева.

Психиатр выхватил из рук Петра Николаевича телефон и, не успев тот опомниться, ввел: «Как это может быть?!»

– Я не знаю, как, – откликнулась Лина. – Даже не представляю. Возможно, сыграла роль любовь. Его любовь, Петечки, – уточнила она.

Остужев выдернул у врача аппарат и написал:

– А поговорить с тобой можно? Словами?

– Экий ты ненасытный, – усмехнулась покойница (усмехнулась в виде трех напечатанных смайликов). – Всего тебе мало! Как всегда. Нет, насколько я знаю, голосовая связь отсюда не действует. Хотя во время сеанса я могу вас слышать. И видеть. Плоховато, но могу.

– Как там у вас все устроено? – не удержался от вопроса Коняев.

– Петя меня уже спрашивал, – слабо улыбнулась она. – Но я не могу рассказать. Просто у меня не хватит понятий и слов. А вы не поймете.

– Может, тебе что-нибудь нужно? – спохватился Остужев. – Что-нибудь прислать тебе отсюда?

– Боюсь, это невозможно, – опять изобразила легкую улыбочку Лина. И добавила: – Подумай, Петя, что тебя еще интересует. Раз я оказалась реципиентом (благодаря тебе), я снова могу выйти с тобой на связь. Завтра.

Раздался легкий шум.

Это всегда невозмутимый, безукоризненно владеющий собой психиатр Коняев упал в обморок.

Чуткевич Борис Аполлинарьевич

Прошло три года.

Лето 2019-го

Пусть всякие телекритики и прочие высоколобые называют его канал «маргинальным». Пусть устраивают запросы и слушанья в Госдуме, чтобы его запретить. Пусть говорят, что он играет на самых низменных инстинктах самой нетребовательной части зрителей. Но главное-то в наше время – что? Рейтинг. И, как следствие из него, реклама.

И если Барбос Аполлинарьевич начинал в свое время с жалкой половины процента, то есть канал его в прайм-тайм (как свидетельствовали всезнающие социологи и пиплметры⁴) люди смотрели лишь на одном телевизионном приемнике из двухсот, то теперь он поднялся настолько, что свободно конкурировал с самыми передовыми распространителями сигнала в стране, порой обходя НТВ и «Россию» и лишь чуть-чуть не дотягивая до всепобеждающего Первого.

А ведь проводником успеха стал профессор Остужев и его изобретение! Точнее, не только они, Чуткевич помнил и о себе, своей креативности, организаторском таланте – и был в том, разумеется, прав. Но нельзя спорить: основной фишкой нового канала, его ноу-хау и главной приманкой, стало именно устройство и программное обеспечение, созданное вдовцом Петром Николаевичем.

За то, что ученый передал Борису исключительные права на использование новинки, телемагнат отблагодарил его, как он сам считал, по-царски. Единовременно перечислил огромную сумму в американской валюте плюс дал пожизненную должность креативного продюсера канала с годовым окладом в сто пятьдесят тысяч «у. е.», полным соцпакетом, личным автомобилем с шофером, личным помощником и горничной. При этом – профессор данного обстоятельства, в условиях отсутствия Линочки, даже не заметил – договор об эксклюзивном использовании его изобретения телеканалом «XXX-plus» автоматически пролонгировался каждый год.

И именно на нем, на новшестве профессора Остужева, был построен едва ли не весь контент, который вливалась в глаза и уши телезрителей данная кнопка. «Никакой политики, никакой экономики, никаких забот» – таков был негласный девиз всех программ Чуткевича (так же как ранее созданных им газет и журналов). Только сплетни, только жареное, только посвященное человеку, причем самым худшим (и поэтому наиболее интересным в нем) чертам – вот что сервировал он в телерамке на завтрак, обед и ужин.

Главным хитом в прайм-тайм стало шоу «Поговори!», которое выходило в эфир ежечерне ровно в 20.30, чтобы перекрыть все самое интересное, что шло или собиралось пойти параллельно по Первому, «России» и НТВ.

По всей стране, во всех средствах массовой информации, издающихся или выходящих в эфир в наших пределах, редакторы, работающие на Чуткевича, отыскивали самые свежие душещипательные истории – как правило, с трагическим концом, но с проблеском надежды. Разыгранные как по нотам, в студии, при деятельном участии ведущего Артема Мореходова, которого Барбос лично переманил с Первого, соблазнив огромным гонораром и неслыханными условиями, они неизменно подводились к коде, к финалу-апофеозу, в котором непременно было задействовано устройство, созданное Остужевым.

⁴ Пиплметр – специальный прибор, который устанавливается в домах у участников социологического исследования. Он фиксирует, когда, сколько и на каком канале включен телевизор и кто его смотрит.

– После короткой паузы – из тех мест, откуда нет возврата, к нашему разговору подключается Маняша, дочка Клары Викторовны, которая столь трагически покинула ее навсегда месяц назад. Она расскажет, кто же на самом деле был виновником ее безвременной смерти. Не переключайтесь!

Или:

– Итак, в споре о наследстве великой певицы переговоры зашли в тупик. Кому должен принадлежать дом, который она выстроила незадолго до своей безвременной кончины? Кому достанется ее коллекция драгоценностей? Наконец, кто должен воспитывать ее малолетних детей? Напомню, что на все это претендуют люди, которые присутствуют сейчас в нашей студии и которые продолжают бороться за творческое, и не только творческое, наследие королевы эстрады. И через несколько минут! Впервые на телевидении! На эти вопросы отвечает ОНА САМА! Не переключайтесь!

Случалось и такое:

– Великого барда нет с нами уже больше тридцати лет. Но до сих пор не утихают споры, кому в последние годы жизни принадлежало его сердце. Официальной вдове Марине, которая, как известно, постоянно проживала в то время в Париже и была далеко от него? Или его возлюбленной последних лет Татьяне, которая родила от него сына? Или юной Оксане, с которой у поэта, как говорят, в последний год был сумасшедший роман? Через несколько минут мы спросим об этом у самого великого барда и актера. Не переключайтесь!

Помимо «Поговори!», наиболее забойного шоу, порой перебивавшего рейтинги самого Малахова на Первом канале, имелось еще несколько программ, которые оккупировали временные слоты подешевле (подешевле – в смысле количества денег, что можно слупить с рекламодателя за минуту). В 19.30, непосредственно перед мореходовским эфиром, шло документальное расследование «Призрак обвиняет». В нем рассказывалось о неразгаданных криминальных тайнах, немного не дотягивавших до высокого накала программы «Говори!», однако все равно гвоздевых. Эта программа походила на другие шоу, посвященные преступлениям: выступали следователи, оперативники, полицейские, свидетели, родственники погибших – за исключением того, что в решающий момент слово давали «главному герою» – призраку, который пребывал на небесах (или где он там пребывал?) и оттуда давал телевизионные показания. Иной раз – что только добавляло рейтинга! – по результатам свидетельств, полученных из загробного мира, уголовные дела, порой давно и безнадежно закрытые, возбуждались заново.

А по окончании «Поговори!», в 21.30, поперек сериалам на Первом, «России» и НТВ, начиналось документальное расследование «Загробные тайны», в котором речь шла о различных исторических деятелях – не такого размаха и популярности, как Владимир Семенич, но все равно интересных публике: маршале Жукове, например, или певце Ободзинском, или дрессировщице Бугримовой. Их отыскивали на том свете, заманивали в эфир и вели натуральные допросы: что (и, главное, кого) они на самом деле любили, как и с кем жили и о чем они жалеют в своей земной жизни. Правда, тут случались афронты, потому что когда взялись расспрашивать Галину Леонидовну Брежневу, равно как и Людмилу Марковну Гурченко, получили от их призраков порцию отборного, витиеватого мата. Нецензурщину запикали, но программы в эфир все-таки дали.

Однако Барбос Аполлинарьевич понимал это своим верхним чутьем, своей никогда не изменявшей чуйкой – подобных сенсаций теперь становилось маловато. Он чувствовал: не хватает каналу духовности, скреп. У него, конечно, не мелкотравчатая «Культура». И никто не ждет от Чуткевича унылых симфонических оркестров или черно-белого, высокохудожественного кино (да он никогда и не даст ничего подобного в эфир). Однако подачки с его стороны всяким интеллектуалам последовать должны. Надо чем-то потрафить умникам. Разной гнилой интеллигенции – так и не добитой до конца реформами девяностых годов, последу-

ющим массовым безденежьем и миграцией на Запад. Опять-таки ничего плохого не будет, если пара-тройка прикормленных критиков провозгласят – а мы растащим их заметки по соцсетям, – что телеканал «Три икса плюс» начал совершать сложную, но похвальную эволюцию в сторону освоения новых культурных пластов. (Так они, кажется, любят выражаться со всюю своей заумностью.)

У самого Барбоса Аполлинарьевича хоть и имелись в лексиконе подобные умненькие словечки и фразочки (и вообще он считал себя образованным глубже и шире, чем многим казалось и чем он любил обычно демонстрировать), но в разговорах, особенно с подчиненными, он отдавал предпочтение четырем обычным русским словам, начинающимся на е, х, б и п (и производным от них), – тем самым, что запрещаются теперь к публичному написанию и произнесению, и их приходилось во всех передачах запикивать отвратительным звуком. Кроме того, чрезвычайно широко в повседневной речи использовал Барбос разные другие нецензурные и малоцензурные термины – а их в нашем языке, как известно, множество, от жопы и мудака до подлеца, стервятника и вафли. Поэтому в дальнейшем, когда нам придется передавать прямую речь генерального продюсера, следует иметь в виду, что мы оставляем за кадром, ради того, чтобы сэкономить место и пощадить наших впечатлительных читателей, бранные слова и выражения разной силы и длительности.

Сам Барбос Аполлинарьевич считал, что именно такой и только такой язык наиболее доступен и доходчив до подчиненных. Именно на нем следует с ними изъясняться. И подведомственное ему народонаселение станет двигаться, шевелиться и делать то, что ему, генеральному продюсеру, нужно – причем в потребные ему сроки – только если неустанно его бранить, распекавать и унижать.

Правда, имелось два-три человека (из интеллектуалов), с кем Барбос свой нецензурный пыл умерял или почти умерял. Интуитивно чувствовал, что в натурах, чрезмерно тонких и ранимых, его распекания способны вызвать не усиление внутреннего и внешнего движения, а, напротив, ступор или истерику. А так как эти два-три интеллектуала были генеральному продюсеру нужны (точнее, пока нужны), он себя сдерживал, наступал на горло собственной песне и вел себя с ними не то чтобы даже вежливо, но почтительно. В глубине души, правда, лелеял надежду на сладостный момент, когда эти хмыреныши перестанут ему быть потребными, и с какой тогда силой и мощью он на них оторвется! Какими только словами не обзовет и на сколько децибелов свой голос не возвысит! Ну а пока, ради интересов дела, необходимо потерпеть. Так лютый хищник, лев или леопард, в какой-то момент способен прикинуться милой кисою, которую дозволительно и с руки покормить, и за ушком потрепать.

Одним из таких персонажей, перед кем генеральный продюсер считал нужным маскироваться, являлся (пока) главный продюсер культурных программ Иван Соломонович Корифейчик. Доктор искусствоведения и кандидат филологических наук, профессор двух кафедр, он некогда вел программы на канале «Культура» и производил крайне благоприятное впечатление на свою аудиторию – в основном отставных учительниц – мягким баритоном, огромным словарным запасом, поверхностными (но кажущимися глубокими) познаниями в самых разных областях гуманитарных наук, а также зайчиками, что играли в его лысине.

– Соломоныча ко мне! – прорычал Барбос в интерком секретарше – и через три минуты перед ним явился нисколько не запыхавшийся Иван Соломонович. Хозяин кабинета залучился, даже встал ему навстречу, увлек за специальный столик с диванчиком, предназначавшийся для беседы как бы с равными. Осведомился: «Чай, кофе?»

– Нет, благодарю вас, Борис Аполлинарьевич, потребную на сегодня дозу кофеина я уже принял.

– Все считаете да рассчитываете! Здоровьечко свое драгоценное бережете! Правильно, правильно! Вы нам очень нужны – были, есть и будете!

– Приятно слышать из ваших уст столь высокую оценку моего скромного труда. Постараюсь оправдать ваше высокое доверие.

«Еще бы не оправдать, жопа ты с ручкой! – подумал про себя Барбос Аполлинарьевич. – Когда ты у меня триста штук в месяц гребешь! Давай, интеллектуал хренов, отрабатывай!» – А вслух промолвил нечто похожее по смыслу, но чрезвычайно отличное по лексике и интонации:

– Собственно, я потому вас и пригласил, что только вы, со свойственными вам познаниями и сметкой, способны придумать, разработать и запустить на нашем канале передачу, которая стала бы украшением культурного спектра и достойно конкурировала, используя имеющиеся у нас технологии, с аналогичными программами: «Культурной революцией», к примеру. У вас по этому поводу появились какие-то наработки?

– Да, благодаря вашему мудрому и тактичному руководству, – проблеял Соломонович, – мне удалось продумать концепцию подобного шоу.

– Ну-ка, ну-ка, – изобразил поощряющую заинтересованность генеральный продюсер.

– Думаю, основываясь на технологии, которая стала главной фишкой (как выражаются молодые) нашего канала, мы могли бы предложить почтенной публике ток-шоу, продолжительностью пятьдесят две минуты, с двух-трехминутными вставками культуртреггерского содержания, которые поясняли бы суть и интригу происходящего. Вести программу, – скромно потупился Корифейчик, – мог бы я сам.

«Конечно, ты сам, кто же еще, козел ты драный!» – подумал Барбос Аполлинарьевич, а вслух проговорил:

– Да, это прекрасно, но в чем суть?

– Видите ли, в интеллектуальной истории России имеется множество загадок. К сожалению, изобретение профессора Остужева, как мы знаем, ослабевает по мере проникновения в глубь веков, однако и на достаточно приближенном к нам временном горизонте имеется немало событий и явлений, которые волнуют пытливым ум передового отечественного зрителя.

«Ну-ка, ну-ка, – помыслил Барбос, – что, по-твоему, волнует и интересует нашего лежащего на диване и почесывающего пузо зрителя?»

– К примеру, – продолжал разливаться Соломонович, – загадка «Тихого Дона».

«Ну, ты сказал! Прямо как в воду пернул».

– Доныне остается неизвестным, кто и при каких обстоятельствах написал этот роман, ставший одной из вершин отечественной словесности двадцатого века. Представьте себе программу, посвященную этой теме. В начале, во время ток-шоу в студии, а также благодаря коротким поясняющим сюжетам и включению с места жизни товарища Шолохова, из станицы Вешенской, мы ставим проблему и рассказываем о ней. Например, о версии Солженицына, заключающейся, как известно, в том, что Михаил Александрович присвоил себе найденный в ходе Гражданской войны почти законченный роман белого офицера Федора Крюкова. Расскажем и о версии, что роман написал Николай Гумилев – его, дескать, не расстреляли в двадцать первом году в Петрограде, а переправили на Дон, где он секретно Шолохову помогал...

– Ишь ты! – изумился Чуткевич. Гумилева он знал и уважал, даже пару строк со студенческой скамьи помнил, про озеро Чад и жирафа. Однако о подобном полете фантазии – ЧК, дескать, сделала поэта «литературным негром», чтобы «Тихий Дон» писать, – он слышал впервые.

– Да-да! Есть даже фотография: Гумилев и Шолохов на рыбалке. Очень похожи на оригиналы! Фото тоже продемонстрируем. Затем последует разговор в студии. На него пригласим филологов, специалистов по Шолохову. Мариэтту Чудакову можем позвать, Диму Быкова – у него тоже своя версия по «Тихому Дону» имеется. Актеров подтянем, для ожив-

ляжа и чтоб кадр украшали – из нового сериала «Тихий Дон» кого-нибудь посекапильней, и из старого. Быстрицкую, может, уломаем. Так постепенно подогреем интерес и подведем зрителей к кульминации, можно сказать, коде: прямому включению с самим Михаилом Александровичем. Профессор Остужев говорил мне, что ныне технически возможно обеспечить сеанс связи продолжительностью даже до десяти минут! И тогда мы зададим товарищу, гм, призраку-Шолохову простой вопрос: было или не было? Он ли самостоятельно является автором романа, удостоенного Нобелевской премии, или все-таки имел место плагиат?

Барбос не счел нужным скрывать своего скепсиса.

– Товарищ Шолохов почти пятьдесят лет врал всем (если допустить, конечно, что автор не он и он действительно врал). И вы думаете, что сейчас, в результате даже десятиминутного включения с того света он вдруг возьмет и перед всеми прилюдно расколется?

– Но профессор Остужев утверждает, что, согласно его исследованиям, духи не могут врать! Они всегда и все время говорят правду и только правду!

– А он проверял? Он что, на детектор лжи их, что ли, сажал?

– Значит, вы, Борис Аполлинарьевич, считаете, что гости из загробного мира способны лгать?

– Врут – все, – довольно мрачно процитировал Чуткевич известный сериал.

– Но, может, и тем лучше! Пусть призраки тоже лгут! И тогда Михаил Александрович в интимнейшей беседе с Землей заявит нам, что – да, именно он является единственным, безраздельным и непосредственным автором самой знаменитой своей книги. Правда это или нет – дело десятое. Главное – он это сам произнесет! На всю страну. Кода! Кульминация! Вся телепублика заходится в пароксизме патриотизма! Нет, нет, не врал великий русский прозаик! Зря на него возводили напраслину различные явные и скрытые недоброжелатели! Диссиденты и антисоветчики! Все писал он сам, своей юной, гениальной, двадцатитрехлетней рукой!

Лицо Барбоса стало выражать крайнюю степень неудовлетворенности. Если бы его таким увидела его секретарша Инна – да что секретарша, любой сотрудник его телекомпании, – он или она непременно затрепетали бы. Воистину затрепетали бы, и было отчего. Потому что за подобным выражением лица следовала вспышка гнева, сопровождающаяся порой полетом попавших под руку предметов или даже физическим воздействием. Но в tomto и штука, и это являлось обратной стороной хорошего к интеллектуалам отношения, что Корифейчик генерального продюсера, находящегося в состоянии настоящего гнева, до сих пор просто не видел. И не знал, как тот может словесно высечь – а иной раз и зуботычину дать. Поэтому специально для него Борису Аполлинарьевичу пришлось пояснить ситуацию вербальным способом, причем выбирая лишь высококультурные выражения:

– Ах, Иван Соломонович, Иван Соломонович! Вся ваша идея, весь стержень, концепция – выше всяких похвал. Согласен, со всем согласен. И само ток-шоу, и состав гостей, и прямые якобы включения из Вешенской, и изящная подводка, и кода с участием так называемого духа – прекраснейшее наполнение, или, говоря современно, контент! Году в семьдесят девятом прошлого века цены бы не было подобной передаче! Но мы-то! Мы с вами! Мы, к сожалению, живем сорок лет спустя! В девятнадцатом году века двадцать первого! И проблемы, которые волновали наше бывшее высококультурное советское общество семидесятых-восемидесятых годов, давно перестали, к глубочайшему сожалению, колыхать, – *колыхать* было жаргонным словом, но употребил его генеральный продюсер намеренно, чтобы хоть как-то оттенить свои медоточивые, высокоинтеллигентские речи, – да, колыхать теперешнюю публику. Ну, Шолохов. Ну, «Тихий Дон». Ну, сам написал или у друга-казака скоμμуниздил. Или даже Гумилев ему помог. Кого это сейчас, дорогой вы мой Иван Соломонович, по большому счету волнует? Ну, вас. Ну, меня. Ну, двух-трех литературоведов и

пару преподавателей филфака на пенсии. Ну, запустим мы эдакую передачу. И получим рейтинг – вы знаете какой? Хрен целых и хрен десятых. Все наши зрители еще в первой части программы, даже несмотря на вашу всепобеждающую харизму, убегут от нас к Малахову, Корчевникову или на шоу «Давай поженимся». Словом, вы на меня не обижайтесь, но сама идея передачи – да, Иван Соломонович, хороша. А вот конкретная тема с Шолоховым, вы меня простите, никуда не годится.

Что хорошо было в профессоре и телеведущем Корифейчике – он никогда не дулся и не обижался. И не цеплялся за свои предложения, единожды отвергнутые большим боссом. Напротив, тут же начинал фонтанировать чем-то новым – порой не менее, а даже более ярким. Так и в этот раз.

– Понимаю, Борис Аполлинарьевич, я вас очень хорошо понимаю. О темпора, о морэс⁵. Вами движут интересы нашего общего дела. Всемогуший рейтинг! Тогда давайте, может быть, разберемся с загадкой смерти Сергея Александровича Есенина? Кто не знает, кто не любит Есенина? После Пугачевой и Высоцкого он по популярности следующий. А ведь в его судьбе также имеется громадное количество неясных и чрезвычайно интригующих моментов. Например, его так называемое самоубийство. Всем интересно, сам ли он в действительности убил себя? Или ему помогли? Не случайно ведь говорят, что на водопроводной трубе под потолком гостиницы «Англетер» повеситься невозможно. И что за странный шрам судмедэксперты обнаружили у поэта на лбу? А порезы на руке и на теле? Недаром ведь стали говорить, причем сразу после кончины, что произошло убийство, которое организовал чекист Яков Блюмкин. А заказал убийство сам Троцкий, которого Есенин вывел в одной из своих поэм под фамилией Чекистов. Вот мы и спросим самого Сергея Александровича, начистоту, как на духу: что там было, в Ленинграде, в гостинице «Англетер», в декабре двадцать пятого года?

Барбос Аполлинарьевич внимательно выслушал распалительные речи профессора, но в конце все-таки укоризненно покачал головой:

– Ах, Иван Соломонович, Иван Соломонович! Опять мы с вами впадаем в тот самый грех гордыни! И излишней интеллектуальности, которая просто противопоказана такому каналу, как наш! Да любому противопоказана! Помните, как спросили у отца «Взгляда» Лысенко: что должен смотреть по телевизору интеллигентный человек? И как он ответил? Интеллигентный человек должен читать книги. Вот и наши с вами построения рассчитаны на того самого интеллектуала – читателя. Но те, кто читает, зомбоящик не смотрят. А которые смотрят – им по большому счету, увы и увы, с самой высокой башни наплевать на Есенина, Троцкого и Гумилева. Как, впрочем, и на Михаила Александровича Шолохова – придется заметить это с глубоким прискорбием.

– Тогда, может быть, Пушкин? – осторожно спросил Корифейчик. – Уж Пушкина-то они знают?

Чуткевич полет мысли профессора прерывать не стал, поэтому собеседник снова начал бурно кипеть, фонтанируя своей эрудицией и фантазией:

– Ведь у Александра нашего Сергеича, солнца русской поэзии, сколько тайн в жизни было! Написал десятую главу «Евгения Онегина» или нет? А если да – где она и пусть, черт возьми, хоть что-то из нее продекламирует!

– Иван Соломонович! – предостерегающе поднял перст Чуткевич. – Да при одном упоминании об «Онегине» наш зритель немедленно заснет перед экраном. Хотя это бог бы с ним, тогда он с нами останется и рейтинг не обвалит. Но он на другую кнопку немедленно уйдет, где его не грузят!

⁵ О времена, о нравы (лат.).

– Хорошо, тогда давайте выясним – и у самого Александра Сергеевича спросим, и супругу его, Наталью Николаевну, к ответу призовем: дала ли она (я извиняюсь за свой французский) господину Дантесу? С царем Николаем вступала в интимную связь?

Чтобы потушить бурнокипящего Корифейчика, Чуткевич уже устал использовать аргументы о неясности содержания «ширнармассам» (то есть широким народным массам). Поэтому сказал просто:

– Временной горизонт очень далекий. В каком году Пушкин умер?

– В тысяча восемьсот тридцать седьмом.

– А баба его, иначе вдова?

– Наталья Николаевна Гончарова-Пушкина-Ланская скончалась в восемьсот шестьдесят третьем, – откликнулся всезнайка Корифейчик.

– Все равно очень давно, – с деланным сожалением покачал головой генеральный продюсер. – Аппарат Остужева не возьмет.

И тут скорее от отчаяния, чем всерьез, лысый телеведущий предложил:

– Тогда, может, Мэрилин Монро? А что? Очень секси и умерла загадочно.

Борис Аполлинарьевич вздохнул:

– Тоже не пойдет. Мэрилин – не наш человек. Америкосов народ теперь не любит, не восьмидесятые годы. Давайте, Иван Соломонович, вы у меня еще подумаете на ту же тему – но недолго. И послезавтра мы с вами снова встретимся. Очень жду от вас новых ярких идей – но доступных, вы понимаете, доступных! – причем любой тете Зине из Саратова. Я знаю, вы можете.

Он уважительно пожал Корифейчику руку, и тот выкатился из кабинета.

* * *

В ту ночь звонок разбудил Барбоса Аполлинарьевича в четыре утра.

Звонил Сам – градоначальник и вице-канцлер Вениамин Андреевич Шалашовин.

Сам, как всякий человек с нечистой совестью, ночь любил больше, чем день. Засиживался за бумагами до утра, плавал в бассейне, принимал вассалов. При этом он не был настолько свирепым, как его далекий предшественник Иосиф Виссарионович, не заставлял своих сатрапов в ожидании звонка просиживать по кабинетам. Да и средства коммуникации изменились. Всегда можно повелеть, чтобы подчиненного отыскиали по мобиле. Необязательно им по кабинетам, да и по домам сидеть. Могут и на дачах отрываться, и у любовниц.

Формально Борис Аполлинарьевич несколько подчиненным градоначальника не являлся. Издательство его и телеканал были совершенно независимыми акционерными обществами, семьдесят пять процентов акций в которых единолично принадлежали Чуткевичу. (Остальные двадцать пять, сообщим об этом между прочим, просто для точности и статистики, поделены были между его нынешней женой-моделью и сыном от первого брака.) Несмотря на полную (вроде бы) автономность телемагната, он, как и все люди, проживающие в Большой Москве, Шалашовина, конечно, знал и отчасти боялся. Хотя тот и не был первым лицом в стране, Барбос Аполлинарьевич несколько не сомневался, что ежели возникнет у Шалашовина желание или нужда превратить в пыль его самого, его имущество или бизнес – он это сделает, причем легко, щелчком двух пальцев. Ему даже открыто объявлять войну не понадобится. Просто начнутся у Бориса Аполлинарьевича проблемы – для начала с минкомсвязью, потом с пожарной инспекцией, санэпидстанцией, телевизионным техническим центром, типографиями... Затем очередь дойдет до налоговой, следственного комитета, полиции обычной и полиции тайной... Хорошо, если просто бизнес отнимут или дом, из страны выживут. Могут ведь и посадить.

Хотя обратный процесс также возможен. Понравишься градоначальнику – и твоя карьера (и без того обустроенная) еще круче пойдет вверх. Народ ведь благоволение высокого руководства очень быстро считывает. Оно в воздухе само разнесется, даже без слов. Все сами собой поймут: Чуткевич в фаворе. И это прежде всего скажется на деле. На канал решат прийти работать, вслед за Мореходовым, другие звезды. Хэдлайнеры, начиная от самых популярных актеров и певцов, станут ломиться, в очередь записываться на передачи. А потом, глядишь, удастся пробить зависшую в недрах горсовета идею: купить место под собственный телецентр и начать строиться. Да и другие предпочтения последуют. Например, дадут зеленый свет еще одной не мудрящей, но выгодной идее Бориса Аполлинарьевича: выделяют земельку под Москвой и льготный кредит – чтобы построить там, а потом распродать коттеджный поселок или квартал многоэтажек. Словом, звонок Шалашовина в столице означал многое, ох как многое.

И когда секретарь градоначальника сказал Чуткевичу, кто с ним сейчас будет говорить, сон немедленно слетел с него (напомним, дело происходило в четыре часа ночи). Борис Аполлинарьевич включил ночник и вскочил с кровати. Юная моделька-жена недовольно заворчала и перевернулась на другой бок.

– Некто Шалашовин, – бодро представился в трубке градоначальник и вице-канцлер. И добавил иезуитски: – Я вас не разбудил?

Надо заметить, что лично Чуткевич разговаривал с мэром-губернатором впервые и хорошо понимал, что от каждого его слова и даже интонации сейчас зависит, насколько благоприятно в дальнейшем будут выстраиваться отношения с первым лицом в городе. Поэтому он включил весь свой ум и чутье, чтобы оказаться во всем точным. Даже в соседнюю комнату в одних трусах вышел, в свой потайной кабинет – чтобы тело полураскрывшейся модели-жены не сбивало, не рождало своими изгибами неконтролируемых ассоциаций. И самый первый ответ на вопрос, не разбудили ли его, нашел достойный – самому понравилось, в меру умный, подхалимский и самоироничный.

– Для вас, Вениамин Андреевич, я никогда не сплю. – Голос, к счастью, со сна не сорвался, не прохрипел, прозвучал свежо и бодро. Кажется, градоначальнику на том конце линии понравилось.

Он молвил:

– Есть разговор. Когда можете завтра ко мне подъехать?

– В любое время.

– Тогда в четырнадцать часов, приезжайте на дачу. Секретарь расскажет вам, как добраться.

И Шалашовин, не теряя время на пустые разговоры, переключил звонок на помощника. Тот стал пояснять, не доверяя модным навигаторам, как вырулить к обиталищу мэра-губернатора. Чуткевич внимательно слушал, записывал, а внутри поднимались радость и надежда: поговорил он с вице-канцлером очень правильно с точки зрения слов и тона. А главное, тот его не в рабочий свой кабинет вознамерился пригласить, не в горсовет, на Тверскую, тринадцать, – а домой. Значит, разговор предстоит личный, конфиденциальный и потому важный. Вдобавок, насколько можно судить по рабочему графику градоначальника, тот просыпался ближе к полудню, и встреча в четырнадцать часов означала, что в черед за завтрашних дел он отвел Чуткевичу первое место. Наверняка даже подвинул кого-то. Значит, предстоящий разговор отчего-то вдруг оказался весьма значимым для городского головы – отсюда и звонок в четыре утра, и столь стремительное свидание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.